

М.А. Павликова (Институт языкознания РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

**Функционально-стилистические особенности
древнеисландского причастия I в песнях «Старшей Эдды»**

Functional and Stylistic Properties of Old Icelandic

Participle I in the Lays of the Elder Edda

Аннотация

Статья посвящена анализу функционирования причастия I в «Старшей Эдде» — собрании эпикопоэтических сказаний исландского народа. Язык эддических песен — древнеисландский. Формальный анализ синтаксического окружения употребляемых в «Эдде» причастий на *-ande* позволяет установить целый ряд структурных схем предложений, содержащих причастие I. Полный лексико-грамматический анализ первых 3-х схем выявляет их содержательно-смысловую близость: функция причастий I в данных схематических группах чётко не определяется — она аморфна. Однако эта функция явно не является чисто атрибутивной, что, в частности, подтверждается переводами «Старшей Эдды» на современные германские языки. Стилистический анализ примеров данной группы также говорит о синтаксической аморфности древнеисландского причастия I. Таким образом, в древнеисландском языке уже наблюдается тенденция к отрыву причастия I от системы имени и вовлечению его в систему глагола.

The article is devoted to functional analysis of participle I in the 'Elder Edda', a collection of epicopoetic lays of the Icelandic people. Formal analysis of the syntactic environment of participles with the ending in *-ande* used in the 'Edda' enables to set up a number of patterns of the sentences with participle I. Complete lexical and grammatical analysis of the first 3 patterns reveals their semantic similarity: the function of participle I in this patterns group cannot be distinctly defined amorphous as it is. This function, however, can in no case be referred to as pure-

ly attributive which may be confirmed by translations of the 'Edda' into modern Germanic languages. Stylistic analysis of the examples of the group under study also speaks in favour of syntactic amorphosity of the Old Icelandic participle I. So, there exhibited a tendency in Old Icelandic towards isolation of participle I from the system of substantives and its gradual involvement into the system of the verb.

Ключевые слова

синтаксическая схема, синтаксическая конструкция, различительный признак, синтаксическое окружение, контактная постпозиция, дистантная постпозиция, контактная препозиция, функциональный статус, предикативный атрибут

syntactic pattern, syntactic construction, distinctive feature, syntactic environment, contiguous postposition, noncontiguous postposition, contiguous pre-position, functional status, predicative attribute

Вот уже более ста лет древнегерманские причастия находятся в поле зрения отечественных и зарубежных языковедов (см. раздел «Литература»). Такое устойчивое внимание в значительной мере обусловлено тем фактом, что древние причастия германских языков лежат в основе многих перифрастических глагольных форм более позднего периода и многих современных аналитических глагольных форм — например, английского перфекта, прогрессива и пассива.

В германских языках древнего периода причастия в сочетании с глаголами бытия, обладания и становления еще не подвергались морфологизации и, продолжая индоевропейское состояние, функционировали в предложении относительно свободно. Они обладали определенным **набором синтаксических признаков**, позволяющих относить их и к системе имени, и к системе глагола [1—4; 6—8; 10; 11; 14].

С этой точки зрения **древнеисландское причастие активного действия** — так называемое причастие I — представляет особый интерес, поскольку именно оно среди причастий всех древнегерманских языков (кроме готского) наиболее архаично [4; 5; 8; 9;

12; 13; 15], и его функциональный статус, вероятно, остается еще достаточно близким к исходному протогерманскому состоянию.

Подробный синтаксический анализ древнеисландского причастия I (на *-ande*) в одном из выдающихся памятников древнеисландского языка может способствовать выявлению общей картины дистрибуции синтаксических функций причастия на уровне древнеисландского языка.

Для анализа в настоящей статье выбран стихотворный эпический памятник древнеисландского языка «Старшая Эдда». В песнях «Старшей Эдды» обнаруживается 64 случая употребления причастия I (без учета использования причастий в прозаических вставках в песни). Анализ примеров мы начинаем с выделения **синтаксических схем**, которыми задается контекстное окружение причастия I.

Синтаксическая схема есть предложение, задаваемое только формальными (вводящими) признаками, традиционно обозначаемыми буквами латинского алфавита (V, N, Part. и т.д.) по названию частей речи, которыми представлены члены данного предложения. В примерах из «Старшей Эдды» основным схемообразующим признаком является **позиция причастия I относительно существительного**.

Анализ синтаксического окружения причастий I «Старшей Эдды» позволяет выделить 5 синтаксических схем:

1. V + N/Pron + Part I

2. N/Pron + V + Part I

3. Part I + N + V

4. Part I + N

5. N + Part I

В настоящей статье рассмотрены только первые три схемы.

СХЕМА 1

Данная схема имеет варианты:

а) V + N/Pron + Part I — основной

б) N/Pron + Part I + V — вторичный

(причастие согласуется с существительным в роде, числе и падеже).

§ 1. Лексико-грамматический аспект рассмотрения

Различительным признаком данной схемы является контактная постпозиция причастия I к существительному, и поскольку порядок слов в древнеисландском языке не фиксирован, то различная позиция глагола в данном случае приводит не к образованию новой схемы, а лишь к выделению двух её вариантов. При этом для основного варианта характерен обратный порядок слов.

Данную схему можно проиллюстрировать следующими примерами:

Gekk ek grátandi við Grana ræða (Gðr II, 5, 1)¹ ‘Пошла я, плачущая, (плача) беседовать с Грани’ — основной вариант схемы 1.

Guðrun grátandi, Giuka dottir, gekk hon tregliga... (Gðr II, 9, 1) ‘Гудрун, дочь Гюки, плачущая, (плача) пошла она печально...’ — вторичный вариант схемы 1.

Данная группа включает в себя 9 примеров; из них 8 относятся к основному варианту схемы и 1 — к вторичному. Причастия I в примерах этой группы образованы от следующих глаголов:

fliuga ‘летать’;

ganga ‘идти’;

gráta ‘плакать’ (2 примера);

liða ‘протекать, проходить’;

sitja ‘сидеть’;

standa ‘стоять’;

stíga ‘шагать’;

þegja ‘молчать’.

Для компонентов данной схемы характерны следующие отличительные особенности:

1) существительное / местоимение выступает в качестве подлежащего;

¹ См. Список использованных текстов – N 1 (далее все приводимые примеры из «Старшей Эдды».

2) это существительное / местоимение обозначает одушевленный предмет (человека или сказочное фантастическое существо), например:

Kom þar ór runni Rígr gangandi (Rþ. 36, 2) ‘Тогда из лесов Риг появился (идуший)’;

3) подлежащее в большинстве случаев (8 из 9) выражено либо именем собственным (*Guðrún, Rígr, Vǫlundr*), либо личным местоимением (*ek, hann*), т.е. подлежащее индивидуализировано, обозначая предмет, выделенный из класса однородных предметов, *skelfr Yggdrasils askr standandi* ‘Трепещет Иггдрасиль ясень стоящий (стоя)’. В примере *þar komr inn dimmi dreki fliugandi* (Vsp. 66, 2) ‘Вот прилетает тёмный дракон’ (точнее, «приближается летя») — подлежащее *dreki*, хотя оно и не является индивидуализированным по своему лексическому значению, как подлежащее в других примерах, также определено благодаря использованию определенного артикля *inn*. Кроме того, в тех случаях, где подлежащее выражено именем собственным, его индивидуализированность может быть усилена еще и дополнительными средствами:

а) *Guðrún grátandi, Gjúka dóttir, gekk hon tregliga...* (Gðr. II, 9. 1). В этом примере *Gjúka dóttir* — приложение к существительному *Guðrún*, сообщающее о нем дополнительную информацию; *hon* — с точки зрения логического построения предложения является избыточным, так как и с существительным *Guðrún*, и с соотносящимся с ним местоимением *hon* согласуется только один глагол *gekk*. Однако употребление «избыточного» местоимения в данном примере как бы еще раз определяет существительное, акцентируя внимание на субъекте действия — *Guðrún*;

б) *skelfr Yggdrasils askr standandi, ymr it aldna tré* (Vsp. 47, 1—3) — «Стонет это старое дерево», где *it aldua tré* («старое дерево») — нарицательное имя в индивидуальном значении, дополнительно определяющее существительное *askr* с приложением *Yggdrasils*;

в) *Kom þar af veiði veðreygr skyti Vǫlundr liðandi um langan veg* (Vkr., 8, 8) — «Пришёл с охоты стрелок зоркоглазый Вёлунд, пробежавший (пробежав) долгий путь», *Veiðreygr skyti* — приложение к существительному, выраженному именем собственным *Vǫlundr*, усиливающее степень индивидуализации этого существительного;

4) сказуемое в примерах данной группы выражено чаще всего глаголами движения *koma* или *ganga*. Кроме того, сказуемое выражается глаголом *skelfa* ‘содрогаться’, который, впрочем, также несет в своем значении идею некоторого движения, и глаголами *sla* ‘бить’ и *geta* («получать»), например, *sló hann sitiandi sulór í gognom* (Нум. 29, 5) ‘Ударил он, сидящий (сидя), по столбам’; *...fátt gat ek þegiandi þar* (Háv. 104, 3) — ‘[Старого йотуна я посетил], теперь я пришел назад, малого добился я, молчащий (молча), там’²;

5) причастия I, входящие в исследуемую схему, образованы только от непереходных глаголов. При этом интересно отметить, что и в этой группе глаголы движения не редки (*fliuga, ganga, liða, stíga* vs. *standa, sitia, gráta, þegia*), причем движение, выраженное причастием, может быть более конкретно по сравнению с движением, выраженным финитной формой глагола:

koma		líðandi
VS.		
ganga		fliugandi

Причастия, образованные от глаголов *sitia, standa, gráta*, характеризуют состояние носителя действия, само действие при этом выражается финитным глаголом.

Таким образом, лексические особенности причастий и глаголов схемы I делают возможным вывод о том, что в этой синтаксической схеме причастие I сообщает какую-то дополнительную характеристику предмета, уточняя и расширяя его основной признак, который выражен личной формой глагола. Хотя причастие I в данной группе примеров согласуется с существительным в роде, числе и падеже, тесной синтаксической связи между причастием и существительным не наблюдается, атрибутивного комплекса в собственном смысле слова они не образуют: поскольку существительное уже достаточно выделено, определено, индивидуализировано, то характеристику, которую придаёт ему причастие, можно считать второстепенной, дополнительной, дающейся не в пределах ат-

² В семантике данных глаголов также можно усмотреть оттенок если и не значения движения, то во всяком случае какого-то перемещения, т.е. семантически группа глаголов в схеме I довольно однородна.

рибутивного комплекса, а в достаточной степени обособлено, так что эту добавочную характеристику можно считать уже относящейся не только к существительному, а ко всему предложению в целом, т.е. относящейся и к глаголу, сообщающей дополнительные сведения касательно действия, которое глагол выражает. В этой связи можно рассмотреть пример *þar kómr inn dimmi dreki fliugandi*, где существительное образует атрибутивное словосочетание с прилагательным — *inn dimmi dreki*, — а причастие *fliugandi*, находящееся в постпозиции к существительному, тяготеет к обособлению.

Переводчики «Старшей Эдды» на современные германские языки чувствовали эту тенденцию древнеисландского причастия I к обособлению и старались это обособление отразить при помощи средств своего языка. Так, в английской «Эдде» Торпа³ мы встречаем следующий перевод одного из древнеисландских примеров, приведенных выше. *Trembles Yggdrasil's ash yet standing*. В английском примере между существительным *ash* и причастием *standing* вставляется наречие *yet*, которого нет в древнеисландском варианте. Появление этого вставного элемента (изменение микроконтекста) свидетельствует о желании переводчика передать формальным средством обособление причастия от существительного, которое он наблюдает в древнеисландском примере. Однако необходимо помнить, что обособление причастия от существительного в схеме 1 существует лишь как тенденция, ещё не ясно проявляемая в «Старшей Эдде», о чём свидетельствует перевод того же примера на шведский язык: *skälfer Yggdrasil, asken stådande*⁴. Постановка запятой в шведском варианте немедленно заставляет нас воспринимать причастие *stådande* как относящееся только к существительному *asken* и образующее с ним атрибутивный комплекс. Таким образом, оба рассмотренных выше перевода говорят в пользу того, что в современных германских языках существует чёткое противопоставление между предикативной и атрибутивной функциями причастия I, тогда как в древнеисландской схеме 1 функция причастия чётко не выделена, она аморфна. В переводе примера *þar kómr inn dimmi dreki fliugandi* на английский язык — *there comes the dark dragon flying* —

³ См. список текстов № 3 (все, далее приведенные английские переводы «Старшей Эдды» даются по указанному изданию).

⁴ См. список текстов № 2.

мы встречаем то же формальное синтаксическое построение (ту же схему), что и в древнеисландском примере, но содержание английской схемы отлично от содержания схемы древнеисландской. Английское причастие I *flying* относится к глаголу *comes*, выступая в функции предикативного атрибута, в то время как функцию древнеисландского причастия *fliugandi* чётко установить мы не можем, поскольку наречие *there* является формальным подлежащим английского предложения, тогда как в древнеисландском предложении *þar* является обстоятельством места. Сравнение данного древнеисландского примера с его переводом на английский язык является иллюстрацией выдвинутого выше положения о том, что одна и та же самая синтаксическая схема может в разных языках сигнализировать нетождественное содержание.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что в схеме 1 причастие I обособляется от существительного, т.е. в какой-то мере отрывается от системы имени. Степень обособленности причастия I в данной схеме установить трудно вследствие ограниченности материала, имеющегося в нашем распоряжении; можно лишь утверждать, что обособление причастия усиливается при таком микроконтексте, когда последнее начинает употребляться с зависимыми словами, например, *Kom...Vǫlundr, líðandi um langan veg* (Vkv. 8, 8) 'Пришел ... Вёлунд, пробежавший (пробежав) долгий путь'.

Хотя формально этот пример полностью отвечает схеме 1, обособление причастия здесь уже настолько велико, что издатель «Старшей Эдды» считает возможным отделение причастия от существительного на письме запятой.

СХЕМА 2

Эту схему можно представить в общем виде как:

N/Pron + V + Part I

В одном из примеров подлежащее опущено, но о лице можно судить из контекста и по личному окончанию глагола.

(причастие согласуется с существительным в роде, числе и падеже)

Отличительным признаком данной схемы является дистантная постпозиция причастия к существительному. Однако набор характерных свойств компонентов данной схемы является таким же, что и в схеме 1, а именно:

- 1) существительное / местоимение является подлежащим;
- 2) оно обозначает одушевлённый предмет;
- 3) подлежащее индивидуализировано, определено (за счёт тех же средств, что и подлежащее в схеме 1);
- 4) сказуемое выражено глаголами движения (*fara* ‘ехать, передвигаться’, *renna* ‘бежать, устремляться’, *meta upp* ‘поднимать’);
- 5) причастие I образовано от непереходных глаголов (*þreyia* ‘жаждать, страстно желать’, *skialfa* — содрогаться, *æra* ‘вопить’).

В эту группу входят только три примера из «Старшей Эдды»:

- а) ... *svá at fold fyrir fór skialfandi* (Gr. 12, 3) ‘...так, что вокруг содрогалась земля’;
- б) $\bar{V} \bar{V}$ *Rannt at Óði ey þreyiandi* (Hdl. 47, 1) ‘[Ты] к Оду стремилась всегда желанием томящаяся (томясь)’;
- в) *þat ek upp rúnar, ærandi þat* (Háv. 139, 5) ‘поднял я руны, кричащий (крича) поднял’.

Хотя в песнях «Старшей Эдды» схема 2 широко примерами не представлена, она, по-видимому, всё же имела достаточное распространение в древнеисландской поэзии. Так, например, в висах, вставленных в «Сагу о Фритьофе», единственный пример, содержащий причастие 1, иллюстрирует именно данную схему: *Nú hefi ‘k sveimat síðan með saltkǫrlum hjálpar þurfandi*⁵ ‘Позже я странствовал с солеварами, в помощи нуждавшийся (нуждаясь)’.

Возможно, что дистантная позиция причастия I в схеме 2 увеличивает степень его обособления от существительного, хотя согласование причастия с существительным продолжает наблюдаться.

⁵ См. список текстов № 4.

Однако, поскольку набор различительных признаков схемы 2 такой же, как и в схеме 1, то содержание схемы 2 представляется нам очень близким к содержанию схемы 1 — функцию причастия в схеме 2 также приходится рассматривать не как чётко выделенную, а как аморфную.

СХЕМА 3

В общем виде эту схему представляем как:

Part I + N + V

(причастие согласуется с существительным в роде, числе и падеже)

Основной отличительный признак схемы — контактная препозиция причастия к существительному. Группа примеров, иллюстрирующих данную схему, является небольшой, ее составляют всего 6 примеров, из которых 2 совершенно тождественны:

а) *Hlæiandi Vqlundr hófz at lopti* (Vkv., 38,1; 29,5) ‘Смеющийся (смеясь) Вёлунд поднался в воздух’ — 2 примера

б) *Grátandi Bqðvildr gekk ór eyio* (Vkv., 29, 7) ‘Плачущая (плача) Бёдвильд пошла с острова’.

в) *Hlæiandi Guðrún hvarf til skemmo* (Gðr., 7, 1) ‘Смеющаяся (смеясь) Гудрун вернула к кладовой’.

г) *Grátandi Grímhildr greip við orði* (Gðr., II, 32, 1) ‘Плачущая (плача) Гримхильд, начала говорить’.

д) *Þá kom in arma út skævandi móðir Atla* (Od., 32, 1) ‘Тогда появилась проклятая быстро скользящая (быстро скользя) мать Атли’.

Несмотря на формальные различия в схемах 1, 2 и 3, основные свойства их компонентов одинаковы.

Так в схеме 3:

1) существительное, в контактной препозиции к которому находится причастие (основная формальная особенность схемы 3), выступает в качестве подлежащего;

2) подлежащее обозначает одушевленный предмет;

3) подлежащее определено своей лексической природой: *Bǫðvildr*, *Vǫlundr*, *Guðrún* — имена собственные); или грамматическими средствами: *inn arma móðir Atla* — наличие определенного артикля;

4) сказуемое выражено глаголами движения: *ganga* ‘идти’, *kóma út* ‘появляться’, *hefiask* ‘подниматься’, *hverfa* ‘поворачиваться’, *grípa* ‘хватать’ (если понимать движение как любой тип перемещения в пространстве);

5) причастие I образовано от непереходных глаголов:

gráta ‘плакать’ (2 примера);

skæva ‘быстро скользить’;

hlæia ‘смеяться’ (3 примера).

В наборе различительных признаков схемы 3, по сравнению со схемами 1 и 2, отсутствует только один: ни в одном из имеющихся в нашем распоряжении примеров подлежащее не выражается личным местоимением. Однако утверждать с полным основанием, что личное местоимение вообще не встречается в схеме 3, невозможно из-за незначительного количества примеров, иллюстрирующих данную схему. Поэтому, несмотря на это различие, схема 3 по своему содержанию представляется нам, если не тождественной, то очень близкой к схеме 1 (от схемы 2 её отличает, как и схему 1, меньшая степень обособления причастия). Таким образом, функция древнеисландского причастия I в схеме 3 также является аморфной, в отличие от современных германских языков, где причастие I, находящееся в контактной препозиции к существительному, функционирует как простой атрибут⁶. О нечёткой выделенности функции причастия в данной схеме свидетельствует и перевод на современный английский язык примеров а) и б):

а) *Laughing Volund rose in air.*

б) *Bodvild weeping from the isle departed.*

6 Б.М. Задорожный считает, что в древних германских языках причастие I встречается в функции атрибута почти исключительно как определение к дополнению [3, 5]. В схемах же 1, 2 и 3 причастие соотносится не с дополнением, а с подлежащим. Следовательно, взгляды этого автора подтверждают то, что функцию причастия I в данных схемах нельзя считать атрибутивной

При переводе примера б) изменяется схема: английское причастие *weeping* оказывается в постпозиции к существительному *Bodvild*, вследствие чего английское причастие оказывается обособленным от существительного, тогда как в переводе примера а) причастие, сохранившее контактную препозицию к существительному, в которой оно находится в древнеисландской схеме, образует с существительным атрибутивный комплекс. Вероятно, оба перевода являются «правильными» с точки зрения передачи синтаксических отношений внутри древнеисландского предложения, поскольку аморфность функции древнеисландского причастия в данной схеме приводит к тому, что в английском языке, где функции причастия в предложении выделены четко, возможна амбивалентная трактовка древнеисландской аморфной функции.

Таким образом, схему 3 наряду со схемами 1, 2 также можно считать свободным вариантом некой синтаксической конструкции, основным содержательным признаком которой является аморфность синтаксической функции причастия I, а различительными признаками являются лексико-грамматические особенности синтаксических схем 1, 2 и 3, на основании синтаксического содержания которых и выделяется данная конструкция. Эта двуплановая конструкция может быть рассмотрена в качестве языковой инновации, пока ещё слабо намеченной тенденции древнеисландского причастия I к функционированию в качестве предикативного атрибута, т.е. уже в отрыве от системы имени.

Вывод

В пользу взгляда на такую возможность дальнейшего развития конструкции 1 в исландском языке говорит тот факт, что причастие I в этой конструкции входит в структуру предложения, соотносясь с его главными членами. Однако то, что функционирование причастия I в данной конструкции в качестве предикативного атрибута существует на уровне древнеисландского языка только как тенденция, подтверждается лексической бедностью, семантической суженностью корней причастий и глаголов в примерах, иллюстрирующих схемы 1, 2 и 3. В этом плане с древнеисландским языком в резком контрасте находится современный английский язык, где в схемах, подобных древнеисландским схемам 1, 2 и 3, причастие I функционирует как предикативный атрибут, а семантика гла-

голов и причастий в таких схемах может быть самой разнообразной, например: *she sang trembling, he worked sighing, we read dozing* и т.д.

§ 2. Стилистический аспект рассмотрения

В этом параграфе мы рассмотрим соотношение функции причастия I в выделенной выше конструкции с уровнями языка и речи. Поскольку мы изучаем синтаксическую природу причастия I в поэтическом памятнике, в котором, как отмечает Е.М. Мелетинский: «Широко встречаются нарушения..., нарушения “естественного” синтаксиса» [5, 13], то наша задача в связи с этим состоит в том, чтобы установить, в каких случаях синтаксическое функционирование причастия I в «Старшей Эдде» можно соотнести с жанровыми особенностями этого памятника, т.е. каким образом и в какой степени формальное использование той или иной схемы, содержащей компонент Part I, связано с контекстуальными потребностями эддических песен (со стилем, ситуацией, стихотворными размерами и т.д.).

Известно, что причастие I в древнеисландском языке употребляется значительно реже по сравнению с современными германскими языками, при этом частотность его употребления в поэтических памятниках выше, чем в произведениях древнеисландской прозы [3; 4; 11]. Интересно заметить здесь, что бóльшая частотность использования причастий в поэзии сравнительно с прозой характерна и для других языков. Так, например, в современном английском языке на каждую тысячу слов в прозаическом произведении приходится в среднем пять причастий I, а в поэзии в четыре раза больше (без учета причастий, входящих в состав аналитических форм продолженного времени)⁷. Выявленное различие в частотности употребления причастия I в произведениях разных жанров позволяет усматривать в природе этой формы свойства, делающие её «поэтической». Поскольку причастие I сочетает в себе значения процессности и качественности, что, правда, в большей мере относится к причастию I древних языков, так как, например, в современном английском языке причастие I процессных характеристик может и не нести: (*milling*

⁷ Подсчет производился на материале книги Хаггарда «Копи царя Соломона» и сборника стихов английских и американских поэтов. См. список текстов: – № 5, № 6.

cow roaring sea, smiling face и т.п.), то можно говорить о большой ёмкости причастных форм с точки зрения их семантического осмысления. Поэзия как бы стихийно стремится к отбору таких языковых средств, которые бы наиболее адекватно способствовали созданию поэтической образности. Поэтому причастие I так часто используется в поэтических произведениях, где картина мира рисуется не предельно ясно, но предельно выразительно.

Таким образом, как только что изложенное соображение, так и непосредственное рассмотрение различительных признаков схем 1, 2 и 3 в параграфе 1 этой статьи позволяют ориентироваться на возможность коннотативной нагрузки причастий I в жанре поэзии.

Использование причастия I в двухплановых схемах 1, 2 и 3, где функция причастия характеризуется аморфностью, нечёткой выделенностью, может быть рассмотрено как одно из средств создания поэтической образности в «Старшей Эдде», если учитывать сказанное выше о специфике поэтического отражения мира. Близость синтаксического содержания схем.1, 2 и 3 позволяет рассматривать варьирование позиции причастия I в данных схемах как явление, обусловленное стилистическими особенностями исследуемого памятника. Так, при сравнении примеров а) *þar hómr inn dimmi dreki | fliugandi* (Vsp. 66, 2) (схема 2) и б) *Hlæiandi | Vǫlundr hófz at loþti, grátandi | Bǫðvildr gekk ór eyio* (Vlk. 29, 5-8) (схема 3) можно отметить, что разные позиции причастий связаны с разным актуальным членением предложений: в примере а) причастие *fliugandi* соотносится с существительным *reki*, которое является ремой предложения, тогда как в примере б) причастия *hlæiandi* и *rátandi* выступают вместе с существительными *Vǫlundr* и *Bǫðvildr* темами предложений.

В примере а) причастие обозначает периферийный процесс по отношению к процессу основному, выражаемому личной формой глагола, стоящего в основном варианте схемы 1 на первом месте (т.е. логически акцентируясь). В примере б) логический акцент делается на причастиях, что легко объясняется макроконтекстом: пример взят из кульминационного эпизода «Песни о Вёлунде», в котором описывается эмоциональное состоя-

ние героев — торжество Вёлунда и скорбь Бёдвильд, поэтому описывающие эти эмоции причастия здесь оказываются не в конце предложений, а в их начале, неся на себе логическую выделенность. Кроме того, постановку причастий в примерах, иллюстрирующих схемы 1 и 3, в разные синтаксические позиции можно в некоторых случаях отнести и за счёт метрических различий песен, в которых эти причастия встречается. Так, пример, *fátt gat ek þegiandi þar* (Háv. 104, 3) (схема 1) взят из «Речей Высокого», написанных гномическим размером *ljóðahátt*, а пример *Grátandi Grímhildr greip við orðl* (Gðr. II, 32, 1) (схема 3) — из «Второй песни о Гудрун», в которой используется эпический размер *fornyrðislag*.

Использование причастия I в основном варианте схемы 1, которому присущ обратный порядок слов, связано с тем, что примеры, иллюстрирующие этот вариант, входят в такой контекст песен, где ведется какое-либо повествование, а логической основой всякого повествования, его движущим фактором, связующим звеном между отдельными его этапами, является некое действие, выраженное в данном случае личной формой глагола, стоящего на первом месте в схеме. Причастие I, сообщающее в подобных повествовательных контекстах дополнительные сведения о характере действия с субъектом действия, естественно, оттесняется в конец схемы.

В связи с анализом специфики функционирования причастия I в поэзии как жанре особое внимание следует обратить на примеры, иллюстрирующие схему 3. Набор лексических значений причастий, использованных в данной схеме, чрезвычайно узок: в 5 примерах из 6 причастия образованы либо от глагола *gráta* ‘плакать’, либо от глагола *hlæia* ‘смеяться’. Так же узок и круг эддических песен, где встречаются примеры схемы 3, он включает только «Песню о Вёлунде», «Подстрекательство Гудрун», «Вторую песню о Гудрун» и «Плач Оддрун», т.е. незначительное количество песен героического цикла. В целом же схема 3 представлена только в древнеисландской поэзии и совершенно не встречается в древнеисландской прозе [4, 41], следовательно, функционирование причастия I в ней можно считать несущим стилистическую нагрузку. Следует также отметить, говоря об отношении функции причастия I в данной конструкции к жанровым особенно-

стям «Старшей Эдды», что и в современном английском языке в схеме, сходной с выделенными нами схемами 1, 2 и 3, компоненты которой обладают различительными признаками, близкими к таковым в древнеисландских схемах, причастие I также часто употребляется в стилистически окрашенных контекстах. Например: *Oh, when the Saints go marching in ...* (из американской песни); *Jack fell down and broke his crown, and Jill came tumbling after ...* (из английского шуточного стихотворения). Однако в английских примерах функция причастия I чётко выделена — предикативный атрибут. Исследовательские трудности определения функции причастия I в схемах 1, 2 и 3 в «Старшей Эдде» (что, в свою очередь, затрудняет различение отдельных схем и их вариантов), вероятно, связаны с неполной дифференциацией причастий в языке, следовательно, функция причастия в данных схемах не является специфической для древнеисландской поэзии, её нельзя рассматривать только на уровне речи, т.е. только в контексте песен «Эдды», а следует трактовать расширительно, т.е. на уровне языка.

Литература

1. Берков В.П. История норвежского языка. Санкт-Петербург, 2012.
2. Гухман М.М. Готский язык. М., 2014.
3. Задорожный Б.М. Значение и употребление причастия в германских языках. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1964.
4. Логутенкова Т.Г. Функция причастия настоящего времени в древнегерманских дидактических памятниках // Взаимосвязи лексики и грамматики. Калинин, 1989.
5. Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. // Исследования по теории и истории эпоса. М., 1968.
6. Миронов С.А. История нидерландского литературного языка (IX-XVI вв.). М., 1986.
7. Смирницкая О.А. Что означала древнегерманская конструкция *sein + Vr?* // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978.

8. Сравнительная грамматика германских языков. В пяти томах // Т. 4. М., 1966.
9. Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык. М., 2002.
10. Филичева Н.И. История немецкого языка. М., 2003.
11. Ярцева В.Н. Именные формы глагола. // Историко-типологическая морфология германских языков. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия. М., 1978.
12. Gordon E.V. An Introduction to Old Norse. Oxford, 1981.
13. Heunsler A. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1977.
14. Lockwood W.B. Historical German Syntax. London, 1968.
15. Noreen A. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923.

Список использованных текстов

1. Edda. Die Lieder des Codex Regium herausgegeben von Gustav Neckel. Heidelberg, 1927.
2. Edda. Sönger af nordens äldsta skalder. Efter handskrifter från skandinaviska forn språket. I översättning av Björn Collinder. Uppsala, 1940.
3. The Elder Edda of Saemundar Sigfusson. Translated from the original Old Norse Text into English by Benjamin Thorpe. London, 1907.
4. Sagan af Friþþjófi inum frækna. Published by Gustaf Larsson. Charleston, 2013.
5. Haggard, H. Rider. King Solomon's Mines. Moscow: Progress Publishers, 1974.
6. In the Realm of Beauty: стихи английских и американских поэтов. Сост. И.С. Строгановская. М., 1977.

Список сокращений цитированных песен «Эдды»

Gðr. I, II	Guðrunarkviða I, II
Grt.	Grottasöngur
Háv.	Hávamál
Hdl.	Hydlolióð
Hym.	Hymiskviða
Od.	Oddrunarkviða
Vkv.	Völundarkviða
Vsp.	Völuspa